4

РѢЧЬ

О формѣ и содержаніи правыхъ грамотъ,

читанная

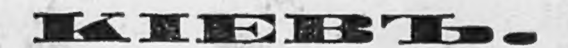
въ торжественномъ собраніи

ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

СВ. ВЛАДИМІРА

10 Октября 1848 года.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1849.

Съ одобренія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра печатать позволяется. Кіевъ 1848-го года, Ноября 10-го дня.

Ректоръ Университета *Р. Траутфеттеръ*.

РѢЧЬ

О формѣ и содержаніи правыхъ грамотъ.

ММ ГГ.

Прошло тому десять лѣтъ, какъ Высочайше учрежденная 1834 и преобразованная 1837 года Археографическая Коммиссія подарила любителей отечественнаго законовѣдѣнія драгоцѣннымъ сборникомъ юридическихъ актовъ, относящихся къ XIV, XV, XVI и XVII столѣтіямъ. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаютъ «*Правыя грамоты, судные списки и дѣлопроизводства.*» О важности ихъ сама Археографическая Коммиссія въ предисловіи къ актамъ юридическимъ сдѣлала слѣдующее замѣчаніе: «*они заключаютъ въ себѣ образцы судебнаго дѣлопроизводства, относящагося къ періоду удѣловъ, не изслѣдованнаго историками и подающаго поводъ къ глубокимъ соображеніямъ*» (конецъ V и начало VI стран.).

Эти слова Археографической Коммиссіи избавляетъ меня отъ труда защищать передъ Вами, Мм. Гг., важность того предмета, которымъ я, съ одобренія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра, намѣренъ занять вни-

маніе Ваше. Но чтобы вызвать Васъ на справедливую снисходительность къ посильному труду моему, позвольте мнѣ, Мм. Гг., вкратцѣ означить: съ какимъ запасомъ свѣдѣній надлежитъ приниматься за изслѣдованіе, и съ какими затрудненіями сопряжено изслѣдованіе правыхъ грамотъ? Сколько нибудь отчетливая разработка правыхъ грамотъ требуетъ не только основательнаго знанія исторіи и системы однихъ Гражданскихъ Законовъ и не только близкаго знакомства съ цѣлою областію наукъ юридическихъ, особенно Государственнаго Права; для нея требуется еще цѣлая масса обширныхъ и разнородныхъ познаній въ другихъ, для юриста постороннихъ, наукахъ: въ Географіи, Статистикѣ, Хронологіи, Исторіи, Филологіи и Палеографіи. Самые труды, съ которыми соединено изслѣдованіе правыхъ грамотъ, столькоже разнородны и сложны, сколько постепенны, медленны и нелегки. Я по крайней мѣрѣ вынужденъ былъ вести ихъ слѣдующимъ порядкомъ:

I. Прежде всего сквозь мертвыя буквы древнихъ правыхъ грамотъ мнѣ надлежало добраться до живаго духа, вѣющаго въ томъ или другомъ ихъ содержаніи. Какъ Римляне, жившіе спустя только три вѣка послѣ децемвирата, уже съ трудомъ понимали языкъ XII таблицъ своихъ предковъ и жаловались на его темноту и непонятность; такъ и мы, Русскіе XIX вѣка, должны сознаться, что и для насъ неясенъ

и труденъ для уразумѣнія тотъ языкъ русскій, которымъ писаны всѣ наши юридическіе акты XIV, XV и даже XVI столѣтій. Завѣщанный намъ въ этихъ актахъ, языкъ нашихъ предковъ до того забытъ нами, что мы поставлены въ необходимость такъ же изучать его, какъ мы изучаемъ языки, ежели не мертвыхъ и чужихъ, то живыхъ и соплеменныхъ намъ народовъ. Вотъ отъ чего безъ Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, изданнаго Вторымъ Отдѣленіемъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ въ 1847 году, читатель правыхъ грамотъ не пойметъ смысла многихъ старинныхъ, нынѣ совсѣмъ утратившихся и неупотребительныхъ словъ и реченій Впрочемъ и этотъ Словарь не всегда и не вездѣ подаетъ помощь изслѣдователю правыхъ грамотъ. Нѣкоторыя ихъ слова и реченія не вошли въ составъ его (напр. посилье, смежникъ, межничество); другимъ дано въ немъ такое значеніе, какого они не имѣютъ и имѣть не могутъ въ правыхъ грамотахъ и прочихъ юридическихъ актахъ (напр. сябръ); иныя, наконецъ, опредѣлены въ немъ, но не съ тою точностію, какая требуется для основательнаго познанія предмета (напр. оспо́да).

II. И такъ первый, трудный шагъ моей работы было изученіе языка, тѣла, безъ котораго душа недоступна чувствамъ, а тѣмъ болѣе изслѣдованію.

Разобравъ и уяснивъ особенно неизвѣстныя современной юридической терминологіи, слова и реченія всѣхъ правыхъ грамотъ, я обратился къ подробному разсмотрѣнію самаго содержанія каждой правой грамоты порознь. И въ этой матеріальной, копоткой работѣ я встрѣтилъ множество разныхъ затрудненій и препятствій. Ее задерживала и затрудняла не столько разработка чисто юридическихъ матеріаловъ, встрѣчающихся въ правыхъ грамотахъ, сколько необходимая разработка постороннихъ, въ юридическіе матеріалы втекающихъ, и ихъ обусловливающихъ предметовъ. Укажу на нѣкоторые изъ нихъ. а) Въ рѣдкой правой грамотѣ не встрѣтишь дѣйствующихъ на судѣ лицъ только съ тѣми именами, какія они получили отъ Церкви, при Святомъ Крещеніи. Прекрасна такая Христіанская простота въ жизни! Но юристъ имѣетъ дѣло со христіанами-гражданами; ему нужно знать: какое вынесли эти лица состояніе изъ колыбели родительской, какое приняли они званіе отъ купели гражданской, военной, придворной или дипломатской службы? Ему мало знать, что это Фуникъ, а это Онисимко; ему скажите еще, что Фуникъ-князь (Аѳанасій), а Онисимко крестьянинъ или человѣкъ помѣщика или вотчинника. Какъ же ему въ сынахъ Церкви узнавать сыновъ государства? Ежели лица эти памятны исторіи, то Ключемъ Строева ему вольно отпереть прекрасный храмъ

Исторіи Карамзина и здѣсь видѣть: какую ризу государственнаго званія носилъ извѣстный ему изъ правыхъ грамотъ сынъ Церкви. Но чаще случается, что эти лица или вовсе не историческія, или забыты исторіею,-тогда ему не остается ничего болѣе, какъ только по роли, какую они играютъ въ правыхъ грамотахъ, дѣлать приблизительное заключеніе или о ихъ состояніи, или о родѣ и степени ихъ службы. б) Для опредѣленія правилъ подсудности, юристу необходимо знать географическое положеніе или политическое значеніе тамъ становъ и волостей, въ которыхъ, а тамъ селъ и деревень, о которыхъ истецъ ведетъ тяжбу съ отвѣтчикомъ? Здѣсь уже юристу не къ кому и обратиться за справкою. Это предметы, до которыхъ и не думала еще прикасаться Географія древней Россіи. в) Сверхъ всего этого юристу не разъ доводится опредѣлять въ правыхъ грамотахъ то теченіе судебныхъ сроковъ, то цѣну исковъ, то границы и площадь спорнаго владѣнія. Ничего этого онъ не можетъ сдѣлать съ надлежащею отчетливостію, ежели не будетъ напередъ коротко знакомъ съ старою русскою пасхаліею, съ старою чеканкою монеты и мѣстною цѣною старыхъ рублей,-съ старинными сохами и вытями, обежками и веревками писцевъ.

III. Наконецъ, третьею и послѣднею моею работою надъ правыми грамотами было составленіе того

небольшаго свода, того краткаго обозрѣнія результатовъ, до которыхъ я дошелъ въ моихъ изслѣдованіяхъ о формѣ и содержаніи правыхъ грамотъ, словомъ, того послѣдняго вывода, который я буду имѣть честь представить просвѣщеннымъ посѣтителямъ нашего торжественнаго собранія въ видѣ рѣчи. Я не могу не сознавать, Мм. Гг., что въ этой рѣчи моей я въ силахъ положить на алтарь моей науки не больше, какъ однѣ скудныя лепты: но эти лепты-плодъ труда добросовѣстнаго и самостоятельнаго-приношу я ей отъ чистаго сердца. *Feci, quod potui; faciant meliora potentes.*

Чтобы Вамъ, Мм. Гг., легче было слѣдить, за ходомъ моихъ изслѣдованій, я считаю долгомъ, перечесть Вамъ всѣ составныя части, означить весь порядокъ моей рѣчи. Я буду имѣть честь разсмотрѣть здѣсь слѣдующіе предметы, одинъ послѣ другаго: I. число правыхъ грамотъ; II. время, къ которому онѣ принадлежатъ; III. области, которыя онѣ собою объемлютъ; IV. матеріалъ, на которомъ онѣ сохранились; V. печати; VI. подписи; VII. справы, съ которыми онѣ намъ достались; VIII. мѣста и лица, откуда и отъ кого онѣ добыты; IX. имена, значеніе, цѣль и отношеніе правыхъ грамотъ къ суднымъ спискамъ и судебнымъ грамотамъ; наконецъ X. цѣлость и порчу; XI. под-

линность; XII. языкъ; XIII. содержаніе и планъ правыхъ грамотъ.

I. Число правыхъ грамотъ.

Всѣхъ, отпечатанныхъ Археографическою Коммиссіею, правыхъ грамотъ 30. Но въ кругъ нашихъ изслѣдованій не могли войти три номера: 27, 28 и 30. Въ первомъ номерѣ заключается слѣдственное дѣло о зарѣзавшемся въ тюрьмѣ колодникѣ, во второмъ о корчемствѣ, а въ третьемъ о табакѣ, кореньѣ и травахъ; слѣдовательно всѣ эти три дѣла относятся къ области уголовнаго, тогда какъ мы занимаемся исключительно, гражданскимъ судопроизводствомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ 27 нумерованныхъ Археографическою Коммисіею актахъ вписаны четыре непонумерованныя правыя грамоты. Поэтому наши изслѣдованія распространяются на 27 нумерованныхъ и 4 ненумерованныхъ грамоты. Первыя мы рѣшились иначе называть *главными*, а вторыя *вставными*-правыми грамотами.

II. Распредѣленіе ихъ по царствованіямъ.

Время, которое обнимаютъ собою правыя грамоты, начинается третьею четвертью XV-го, и оканчивается второю четвертью XVII столѣтія; потому

что первая изъ нихъ могла быть писана не ранѣе 1479-го, а послѣдняя не позже 1633-го года. Слѣдовательно, правыя грамоты наши восходятъ до княженія Великаго Князя Іоанна Васильевича III, оканчиваются царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича Романова и идутъ одна за другою въ теченіи 154 лѣтъ русской, гражданской жизни. По княженіямъ и царствованіямъ, онѣ распредѣляются такимъ образомъ: на княженіе Іоанна III (1462—1505) упадаетъ одинадцать главныхъ (№ 1—11) и одна вставная (въ № 11); на княженіе Василія III (1505—1533) восемь главныхъ (№ 12—19) и двѣ вставныхъ (№ 16 и 17); на царствованіе Іоанна IV (1533—1584) четыре главныхъ (№ 20—23) и одна вставная (№ 22); на царствованіе Ѳеодора Іоанновича (1584—1598) одна главная правая грамота. Послѣ того рядъ правыхъ грамотъ на время прерывается; будто въ укоръ неправымъ царствованіямъ не отыскано, а потому конечно и не отпечатано Археографическою Коммиссіею ни одной правой грамоты изъ смутныхъ временъ Бориса и Ѳеодора Годуновыхъ, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго (1598—1610). Впрочемъ ко времени междуцарствія, которое въ самыхъ грамотахъ называется *безгосударнымъ* и *мятежнымъ*, (1610—1611), принадлежатъ двѣ (№ 25, 26), а къ царствованію Михаила Ѳеодоровича (1613—1645) одна правая грамота (№ 29).

Изъ этого обозрѣнія видно, а) что бо́льшая часть правыхъ грамотъ относится еще къ періоду удѣльной системы, которая, какъ извѣстно изъ Исторіи, совершенно прекратилась только въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича (1584—1598) и если не жила уже, то, по крайней мѣрѣ, прозябала еще до конца XVI вѣка. Именно же къ періоду удѣловъ относится двадцать восемь, а къ послѣдующему за нимъ времени всего только три правыхъ грамоты. б) Что самое большее число ихъ упадаетъ на княженія: Іоанна III (12) и Василія III (10); за тѣмъ число ихъ все болѣе и болѣе уменьшается. Само собою разумѣется, что по отпечатаннымъ Археографическою Коммиссіею правымъ грамотамъ нельзя рѣшать вопросовъ: когда правыя грамоты впервыя появились, и когда онѣ совершенно изчезли на судахъ русскихъ? Но и то уже важно для исторіи гражданскаго судопроизводства, что, на основаніи изданнаго Археографическою Коммиссіею сборника, юристъ — историкъ можетъ назвать послѣднія времена періода удѣловъ періодомъ развитія и процвѣтанія правыхъ грамотъ на судѣ русскомъ. Если притомъ знаетъ онъ, къ какому именно княженію или царствованію принадлежитъ та, или другая правая грамота; то при частной разработкѣ каждой грамоты, онъ не опуститъ изъ виду ни общаго характера управленія, господствовавшаго, ни свойства государственныхъ установленій, существовав-

ших, ни значенія законовъ, дѣйствовавшихъ въ то или другое княженіе или царствованіе; потому что только началами этихъ законовъ, установленій и управленія онъ можетъ повѣрять и оцѣнивать все содержаніе правыхъ грамотъ, составъ тѣхъ судовъ и весь кругъ занятій тѣхъ различныхъ судей, которые встрѣчаются въ правыхъ грамотахъ.

III. Области, къ которымъ относятся правыя грамоты.

Время, на которое упадаетъ каждая правая грамота, по большой части означено бываетъ въ ней самой; а гдѣ оно въ ней и не означено, тамъ легко опредѣлить, и Г-да Редакторы сами опредѣлили его съ приблизительною точностію по именамъ тѣхъ лицъ, кои упоминаются въ правыхъ грамотахъ и извѣстны исторіи. Не такъ легко, но не менѣе того весьма для насъ важно, опредѣлить изъ содержанія самыхъ грамотъ тѣ области, въ которыхъ происходили суды, въ грамотахъ описанные; ибо въ большей части грамотъ мѣста, въ которыхъ происходилъ или судъ или докладъ спорнаго дѣла, не означены. Во многихъ изъ нихъ, означены, иногда даже съ достаточною географическою точностію, самые спорные предметы, о которыхъ суды производились; но это все деревни, починки, пашни, пожни, сѣчи, сельца,

дворы, езы, мыта,—словомъ, такіе предметы, которые, какъ мы уже и сказали, остаются у насъ доселѣ дѣвственнымъ и необработаннымъ полемъ какъ для общей, такъ и для юридической географіи Россіи. Впрочемъ по нѣкоторымъ, упомянутымъ въ правыхъ грамотахъ городамъ, волостямъ и рѣкамъ, а равно и по названнымъ въ нихъ мѣстнымъ именамъ судей и тяжущихся лицъ, мы можемъ составить себѣ если не точное, то, по крайней мѣрѣ, приблизительное понятіе о кругѣ тѣхъ земель и областей, которыя обнимаютъ собою наши правыя грамоты.—Центромъ этого круга надлежитъ представлять Москву, въ которой происходитъ значительная часть судовъ свѣтскихъ и духовныхъ (№ 12, 13, 17, 21, 22, 24, 29), въ которую являются судьи съ своими судными списками для доклада (№ 3, 4, 5, 6, 11, 13, 14, 16, 20, 21, 22, 29) и въ которой—что главное—княжитъ или царствуетъ тотъ Верховный судья государства, по слову или по грамотѣ котораго то развозятъ во всѣ окрестности царственной столицы то, помѣщаясь въ этихъ окрестностяхъ, изрекаютъ судъ и правду всѣ прочіе средніе и низшіе судьи государства. Крайними точками лучей, выходящихъ изъ этого средоточія, являются въ правыхъ грамотахъ на Востокѣ отъ Москвы Владиміръ, Суздаль, Переславль и Кострома (№ 4, 8, 10, 16, 22 и 29); на Западѣ—

Тверь и Псковъ (№ № 2 и 4) (*); на Югѣ—Верея и Звѣнигородъ (№ № 1 и 7); на Сѣверѣ—Вологда, Бѣлоозерскъ, Двинская Область и Холмогоры (№ № 1, 3, 5, 6, 11, 14, 15, 18, 19, 20, 23, 25 и 26). Принявъ во вниманіе, что три десятка нашихъ правыхъ грамотъ не только обнимаютъ собою полтора вѣка русской удѣльной жизни, но и обхватываютъ собою самое сердце этой жизни съ такими отдаленными отъ него оконечностями,—мы, ежели бы и не хотѣли, должны сознаться, что на правыя наши грамоты отнюдь мы не въ правѣ смотрѣть даже равнодушными, и никакъ уже презрительными глазами. Онѣ стоютъ самой тщательной и глубокой разработки не одного правовѣда, но и другихъ просвѣщенныхъ любителей старины русской.

IV. Матеріалъ, на которомъ писаны подлинники и списки правыхъ грамотъ.

Изъ 27 грамотъ, Археографическая Коммисія отпечатала съ подлинниковъ восемнадцать, а именно: № № 1, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 19, 20, 23, 24, 25, 26; девять осталь-

---

(*) Въ четвертомъ нумерѣ судъ начинается на Сѣверовостокѣ отъ Москвы, на р. Костромѣ, а оканчивается на Сѣверозападѣ у Тверскаго Князя.

ныхъ номеровъ, равно какъ и четыре вставныхъ правыхъ грамоты отпечатаны со списковъ или копій. Матеріалъ, на которомъ были писаны однѣ пять подлинныхъ правыхъ грамотъ (№ № 2, 8, 12, 17 и 21), Редакторами не означенъ, а потому и намъ не извѣстенъ; объ остальныхъ двадцати двухъ издатели замѣчаютъ, что девять писаны на листахъ *хлопчатобумажныхъ* (№ № 1, 3, 4, 7, 9, 10, 11, 13, 16), двѣ на *бумажныхъ* (№ № 18, 22), а прочія одиннадцать только *на листахъ*, какихъ же именно: хлопчатобумажныхъ или бумажныхъ, не говорятъ.—Правыхъ грамотъ, писанныхъ на *одномъ* листѣ бумаги, отпечатано десять (№ № 1, 3, 4, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 18), на двухъ три (№ № 5, 15, 16), на трехъ одна (№ 25), на четырехъ три (№ № 19, 23, 24), на шести, восьми и девяти листахъ (№ № 29, 20, 26) по одной и наконецъ на нѣсколькихъ, вмѣстѣ склеенныхъ, листахъ то же одна (№ 22). Вставныя грамоты были, разумѣется, писаны на томъ же матеріалѣ, на какомъ дошли до насъ и главныя правыя грамоты.—*Величина листовъ* бумаги, на которыхъ писаны правыя грамоты, означена Редакторами только при трехъ номерахъ правыхъ грамотъ: 1, 3, и 14. Изъ помѣтокъ ихъ видно, что длина листа, на которыхъ писаны подлинники этихъ номеровъ, простиралась отъ 3 до $9\frac{1}{4}$ и $9\frac{1}{2}$, а ширина отъ 5 до 6 и $6\frac{1}{4}$ вершковъ.

На такихъ ли же длинныхъ и широкихъ листахъ бумаги были писаны и всѣ прочія подлинныя грамоты, намъ не дано знать, а предоставлено только смѣкать по числу строкъ въ столбцахъ печатныхъ.—Наконецъ о шести рукописныхъ правыхъ грамотахъ Редакторы сказали намъ, что онѣ писаны *столбцемъ* (№ № 4, 7, 10, 15, 20, 29), объ одной, что она писана *полууставомъ* (№ 3), и еще объ одной, что она отличается *красивымъ почеркомъ* (№ 9). Вотъ всѣ данныя, по которымъ Вы сами, Милостивые Государи, заключать можете, съ какими и точными и подробными палеографическими замѣчаніями отпечатаны для насъ правыя грамоты! Если мы не ошибаемся, то всѣ рукописныя правыя грамоты писаны были, по образцу подлиннаго экземпляра Уложенія, только на одной сторонѣ одного или нѣсколькихъ, вмѣстѣ склеенныхъ, листовъ; обратная ихъ сторона оставлялась чистою. На ней встрѣчаются подписи судей и могли быть записаны въ послѣдствіи дѣйствія, относящіяся къ исполненію приговора: такъ напр. въ одной, не съ подлинника впрочемъ отпечатанной, правой грамотѣ (№ 17) помѣчено: кто взыскивалъ, кто платилъ и кому отданы присужденныя правой сторонѣ деньги? Єклейки листовъ сами предки наши называютъ *ставами*. На ставахъ этихъ нерѣдко встрѣчаются подписи то судей, выдавшихъ (№ 21), то дьяковъ, писавшихъ

правыя грамоты. Такою подписью по ставамъ предотвращалась, конечно, умышленная поддѣлка правой грамоты.

V. О печатяхъ, сохранившихся у правыхъ грамотъ.

У пятнадцати правыхъ грамотъ сохранились, у десяти были, но утратились печати; о пяти дошедшихъ въ спискахъ правыхъ грамотахъ, мы не можемъ рѣшительно сказать, были ли у ихъ подлинниковъ, чьи и какія именно печати и объ одной только подлинной (№ 23) мы положительно знаемъ, что она и первоначально была и до насъ дошла безъ печати.— Уцѣлѣвшія печати *всѣ восковыя, но разнаго цвѣта:* девять изъ желтаго (№№ 4, 6, 7, 10, 16, 19, 21 и 22); восемь изъ чернаго (№№ 3, 11, 13, 14, 18, 25 и 27) и одна, именно патріаршая печать (№ 24), изъ краснаго воску. Впрочемъ по цвѣту восковыхъ печатей нельзя дѣлать никакихъ заключеній ни объ именахъ, ни о публичномъ значеніи въ судебной іерархіи тѣхъ судей, коимъ онѣ принадлежали; ибо въ правыхъ грамотахъ часто и государственнымъ, и областнымъ, и волостнымъ судьямъ приписываются восковыя печати одного и того же цвѣта. Это заставляетъ насъ предполагать, что всѣ судьи прилагали свои печати къ

правымъ грамотамъ изъ воску такого цвѣта, какой у нихъ случался, или какой они могли достать на мѣстѣ, гдѣ, или въ то время, когда они прилагали свои печати. Обыкновенное мѣсто, къ которому прикладывалась, или къ которому на шнуркѣ привѣшивалась печать восковая у правыхъ грамотъ, былъ загибъ или отгибъ края. Это общее правило мы извлекаемъ изъ помѣтокъ издателей не о всѣхъ, а только о нѣкоторыхъ печатяхъ у правыхъ грамотъ.—Именно они говорятъ о восьми печатяхъ при восьми грамотахъ (№ № 3, 6, 10, 11, 16 и 18), что онѣ приложены къ загибу или отгибу края (*). На какомъ именно мѣстѣ были приложены или привѣшены печати у всѣхъ прочихъ грамотъ, издатели также не помѣчаютъ; только объ одной первой правой грамотѣ они сказали намъ, что печать была у нее привѣшена къ шелковому малиновому шнурку, прикрѣпленному къ загибу края. На шнуркахъ ли и на шелковыхъ ли шнуркахъ привѣшены печати и у прочихъ правыхъ грамотъ, или же восковыя эти печати *приложены* были непосредсгвенно къ бумажному загибу края? Этотъ вопросъ также предоставленъ редакторами на заглазное рѣшеніе

(*) Какого именно края или угла: праваго ли, или лѣваго и всегда ли съ одной лицевой, или иногда и съ задней стороны угла? того издатели не даютъ намъ знать.

свѣдущаго дѣло читателя.—На всѣхъ восковыхъ печатяхъ находились или какія нибудь, похожія на гербы, изображенія, съ надписью, или безъ надписи, именъ, или однѣ только, безъ гербовъ, надписи именъ тѣхъ лицъ, коимъ печати принадлежали. Такъ полагать можно по уцѣлѣвшимъ при правыхъ грамотахъ печатямъ. Одна изъ нихъ, замѣчаютъ издатели, изображаетъ воина съ мечемъ (№ 3); другая—человѣческую фигуру (№ 7); третья—дракона съ распростертыми крыльями (№ 10); четвертая—оленью голову (№ 13). Первая изъ нихъ должна принадлежать одному изъ двухъ судей Великаго Князя, вторая—одному изъ двухъ тіуновъ, а двѣ послѣднія извѣстнымъ намъ только по имени и отчеству судьямъ, разбиравшимъ тяжбы *по слову Великаго Князя*.— Ясныя надписи именъ судей уцѣлѣли только на трехъ печатяхъ (№ № 13, 16 и 25). На первой читаемъ только имя и отчество неизвѣстнаго намъ по званію судьи; на второй и третьей имя, отчество и фамилію точно означенныхъ судей, вырѣзанныя на второй связными буквами и такъ, что слоги идутъ сверху внизъ, а на третьей въ кружкѣ, мелкою вязью.—Всѣ эти прямыя и несомнѣнныя свидѣтельства, равно какъ и уцѣлѣвшія въ большей части правыхъ грамотъ—ясныя указанія на то, что утратившіяся при грамотахъ печати принадлежали судьямъ то разбиравшимъ только, то

разбиравшимъ и докладывавшимъ, то наконецъ и разсматривавшимъ и рѣшавшимъ спорныя гражданскія дѣла,—даютъ намъ полное право утверждать: а) что правая грамота только тогда имѣла силу формальнымъ образомъ совершеннаго судебнаго акта, когда при ней находилась печать судьи; б) что который судья разбиралъ спорное дѣло, тотъ же самый и выдавалъ обыкновенно по сему дѣлу правую грамоту, или что, по крайней мѣрѣ, безъ его ежели не прямаго приказанія, то безъ его вѣдома не могла быть выдана никакимъ дьякомъ или подьячимъ ни одна правая грамота; наконецъ в) что подлинники тѣхъ правыхъ грамотъ, которыя дошли до насъ въ спискахъ и безъ означенія: были ли и кѣмъ приложены къ нимъ печати,— непремѣнно были съ печатями тѣхъ лицъ, кои въ самыхъ спискахъ или прямо именуются судьями, или же только являются дѣйствующими на судѣ въ качествѣ судей особами. Нельзя притомъ выпустить и того изъ виду, что въ тѣхъ правыхъ грамотахъ, въ которыхъ сверхъ сужденія излагаются еще и доклады засуженныхъ спорныхъ дѣлъ, не рѣдко встрѣчается по двѣ печати различныхъ судей, то-есть, одна судьи разбиравшаго, другая судьи докладывавшаго спорное дѣло. Въ ряду подобныхъ правыхъ грамотъ попадаются и такія, въ которыхъ упоминается то о печати одного судьи, то о печати одного докладчика.

Изъ того заключать можно, что какъ печать судьи могла замѣнять печать докладчика, такъ и на оборотъ, печать докладчика могла замѣнять печать судьи—у правой грамоты.

VI. О подписяхъ у правыхъ грамотъ.

Меньшее число грамотъ дошло до насъ съ *подписями,* чѣмъ съ печатями. Въ общемъ числѣ главныхъ и вставныхъ мы насчитали подписанныхъ правыхъ грамотъ всего только четырнадцать (№ № 1, 10, 12, 13, 17, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 29 и вставныя въ № № 17 и 22); остальныя семнадцать всѣ не имѣютъ никакихъ подписей. Это явленіе заставляетъ насъ думать, что подпись не всегда составляла существенную формальную принадлежность правой грамоты; что бывала ли она или не бывала, грамота не теряла значенія правой, если при ней находилась только печать надлежащаго судьи. Большая часть подписанныхъ четырнадцати грамотъ скрѣплены рукою дьяковъ, которые именуются въ пяти номерахъ дьяками тѣхъ судей, кои разбирали и рѣшали дѣла (№ №1, 12, 13, 17, 25), а въ двухъ дьяками Великихъ Князей, хотя не сами Великіе Князья, а ихъ сановники судили и вершили дѣла (№ № 17, 24). Посему, ежели въ четырехъ правыхъ грамотахъ не означено, чьи именно дьяки

подписали ихъ (№ № 10, 20, 26 и 29), то можно предполагать, что это были дьяки, состоявшіе скорѣе при лицахъ, рѣшавшихъ гражданскіе споры, чѣмъ при особѣ Великаго Князя. Не смѣемъ утверждать, чтобы именно всегда дьякъ обязывался подписывать правую грамоту; это было правиломъ, по такимъ, отъ котораго въ самыхъ правыхъ грамотахъ встрѣчаются два уклоненія: двѣ изъ нихъ (№ № 21 и 22) подписаны Московскими *тіунами* Великаго Князя, а одна (вставная въ № 22) Переславскимъ Дворскимъ, который не былъ судьею, а только сидѣлъ на судѣ съ двумя цѣловальниками у Переславскаго намѣстника. Впрочемъ первое уклоненіе отъ общаго правила можно изъяснять такъ, что судья, какъ старшій и главный членъ суда, могъ, если умѣлъ писать, сверхъ печати, скрѣпить правую грамоту еще и собственноручною подписью; а второе такъ, что Дворскій заступалъ у намѣстника и мѣсто дьяка и мѣсто суднаго мужа; ибо встрѣчаются въ правыхъ грамотахъ и тому примѣры, что и дьяки, хотя и рѣдко, съ значеніемъ секретарей соединяютъ при судьяхъ еще и значеніе судныхъ мужей.

VII. О справахъ у правыхъ грамотъ.

Мы сказали уже, что грамотъ съ печатями, частію цѣлыми, а больше испорченными и утра-

тившимися, дошло до насъ двадцать пять; грамотъ съ подписями всего четырнадцать; но несравненно меньшее число ихъ, именно всего только три, дошло съ помѣткою: *справилъ подъячей* такой—то (имя и фамилія). Замѣтимъ, что эта *справа* подъячаго встрѣчается исключительно въ однѣхъ позднѣйшихъ правыхъ грамотахъ, относящихся уже къ началу XVII столѣтія (№ № 25, 26-го 29, относятся къ 1610—1633 годамъ), что она необходимо предполагаетъ повѣрку грамоты съ какимъ-нибудь другимъ актомъ, напр. суднымъ спискомъ или съ судебною записною, на нашу крѣпостную похожею, книгою и слѣдовательно даетъ поводъ предполагать, что всѣ эти три грамоты были выданы правой сторонѣ не вдругъ послѣ состоявшагося приговора, а по истеченіи послѣ него очень долгаго времени. Впрочемъ слова: *справилъ подъячей* стоятъ всегда послѣ подписи дьяковъ и при томъ то внизу, то на оборотѣ правой грамоты; по чему иной могъ бы подумать, что повѣрка правой грамоты съ судебными актами или книгами производилась уже по написаніи и подписаніи ея; но такой мысли нельзя согласить ни съ порядкомъ теченія тяжебнаго дѣла, ни съ значеніемъ подъячаго. Тогда бы надлежало допустить или то, что правая грамота составлялась не послѣ, а прежде справки, или то, что младшій канцелярскій чиновникъ, каковъ подъячій—нашъ писецъ низшаго оклада, повѣрялъ стар-

шаго, каковъ дьякъ, нашъ секретарь суда. И то и другое равно нелѣпо!

VIII. О мѣстахъ, изъ которыхъ, и лицахъ, отъ которыхъ Археографическая Коммиссія получила правыя грамоты.

Изъ отпечатанныхъ Археографическою Коммиссіею двадцати семи правыхъ грамотъ, уцѣлѣли и сохранились: по одной грамотѣ въ библіотекѣ Строева, въ Сборникѣ актовъ, доставленныхъ Графу Румянцеву изъ Московскаго Архива бывшей Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ (№ 21) и въ Румянцевскомъ Музеѣ (№ 22); по двѣ—въ библіотекѣ Московскаго купца Царскаго (№ № 5 и 15) и въ государственномъ старыхъ дѣлъ Архивѣ при Правительствующемъ Сенатѣ (№ № 25 и 26); три въ Сборникѣ актовъ Московской митрополіи, принадлежащемъ Синодальной библіотекѣ (№ №8, 12, 17). Объ остальныхъ за тѣмъ семнадцати грамотахъ издатели, въ примѣчаніи къ первой таблицѣ предисловія, изъясняютъ, что онѣ заимствованы изъ коллекцій частію Археографической Экспедиціи, частію Колл. Асс. Строева, и составляютъ собственность Археографической Коммиссіи. Мы душевно сожалѣемъ, что господа издатели не потрудились сообщитъ намъ хотя краткія, лишь бы вѣрныя и точныя историческія замѣчанія относительно

мѣстъ, въ которыхъ первоначально были найдены, и владѣльцевъ, отъ которыхъ и къ кому изъ рукъ въ руки переходили всѣ юридическіе акты вообще, и наши правыя грамоты въ частности. Минералогу любопытно и во многихъ отношеніяхъ важно знать мѣсто рожденія его металла; нумисматику не безполезно, а иногда и необходимо вѣдать, отъ какихъ, гдѣ жившихъ и къ какой націи или къ какому званію принадлежавшихъ, частныхъ или публичныхъ владѣльцевъ, попала въ его коллекцію какая-нибудь истертая, чужеземная, нѣмая монета:—какъ же не желательно и не полезно было бы занимающемуся исторіею отечественнаго права юристу знать: въ какой именно области Россіи впервые открыты и въ чьихъ рукахъ находились и сохранились наши юридическіе самородки? Это не чужіе, а родные намъ памятники законовѣдѣнія, администраціи, политики, народной и гражданской жизни! Это не нѣмые и плохіе указатели одного историческаго, часто ничтожнаго, факта, а широкіе вѣщатели и разсказчики цѣлаго государственнаго и частнаго быта достопочтенныхъ нашихъ предковъ! Это въ то же время рудники, изъ которыхъ и историкъ, и географъ, и филологъ, и экономъ, и правовѣдъ, и антикварій, словомъ—ученые почти всѣхъ наименованій могутъ почерпать свѣжіе матеріалы для своихъ розысканій. Замѣтки о мѣстѣ, на которомъ найдена, о лицахъ,

которымъ первоначально принадлежала, въ послѣдствіи времени досталась и изъ рукъ которыхъ теперь для печати получена та или другая правая грамота—такія и подобныя имъ замѣтки часто могли бы то указывать пути къ изслѣдованію, то охранять отъ ошибокъ въ изслѣдованіи правыхъ грамотъ.

XI. Имена, значеніе, цѣль и отношеніе правыхъ грамотъ къ суднымъ спискамъ и къ судебнымъ грамотамъ.

Два главныхъ названія даютъ издалели нашимъ грамотамъ: двадцати двумъ, они дали имя *правыхъ,* а пяти нумернымъ грамотамъ *судныхъ списковъ,* №№ 8, 9, 10, 11 и 12). Чтобы судить, вѣрно ли усвоено имъ это послѣднее наименованіе, надобно знать, что восемнадцать грамотъ (№№ 2, 4, 7, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 25, 26, 27 и вставная въ 22) называютъ сами себя *правыми;* что двѣ номерныя грамоты (№№ 11 и 17) называютъ другія двѣ, въ нихъ вписанныя, также *правыми;* что четыре номера (№№ 5, 10, 11 и 14) сами себя именуютъ только *грамотами;* что № 20 называетъ себя *розъѣзджею грамотою;* что главная и вставная въ нее грамота подъ № 22 носятъ два имени: именуясь правыми, онѣ въ то же время сами усвояютъ себѣ еще и названіе *бѣглыхъ*

грамотъ; что изъ всѣхъ двадцати восьми только пять грамотъ дошло до насъ безъименныхъ, разумѣю такихъ, которыя сами не даютъ себѣ никакого названія (№ № 3, 6, 8, 9 и 12). Ясно что ни одна грамота сама не назвала себя ни *суднымъ спискомъ,* ни просто *спискомъ.* Откуда же, спрашивается, издатели взяли это имя для пяти номеровъ своихъ? Замѣтимъ напередъ, что у нихъ нѣтъ послѣдовательности въ раздачѣ именъ грамотамъ. Непослѣдовательность эта усматривается именно въ томъ, что грамотамъ, кои сами себя именуютъ только грамотами, они даютъ названіе однѣмъ двумъ *правыхъ грамотъ* (№ № 5 и 14), а другимъ двумъ — *судныхъ списковъ* (№ № 10 и 11). Притомъ въ выборѣ именъ для нашихъ грамотъ издатели, очевидно, не держатся большинства голосовъ, поданныхъ самими правыми грамотами. Они не могли не замѣтить ни того, что ни одна изъ нихъ не назвала сама себя суднымъ спискомъ, ни того, что изъ 27-ми восемнадцать грамотъ сами себя именуютъ правыми; для чего же послѣ сего дали они пяти номерамъ неизвѣстное самимъ ргамотамъ имя судныхъ списковъ? Для чего не почтили они эти пять безъименныхъ номеровъ общепринятымъ и господствующимъ въ восемнадцати номерахъ именемъ правыхъ грамотъ? То правда, что имя *судныхъ списковъ* не разъ встрѣчается въ правыхъ грамотахъ, — но какихъ? Въ тѣхъ пяти грамотахъ, которыя издатели назвали

судными списками, его нѣтъ и быть не могло; потому что судьи во всѣхъ ихъ повершили спорныя дѣла безъ доклада; имя же судныхъ списковъ можетъ встрѣчаться и встрѣчается только въ тѣхъ изключительно правыхъ грамотахъ, въ которыхъ судьи сами не постановляютъ приговоровъ, а кладутъ списки своего суда передъ человѣкомъ старѣйшимъ; другими словами: или сами непосредственно или черезъ другихъ высшихъ сановниковъ докладываютъ разсмотрѣнныя ими тяжбы на пересмотръ и рѣшеніе судьи Верховнаго, напр. Митрополита, Великаго Князя. Вотъ изъ этихъ-то правыхъ грамотъ съ докладами мы несомнѣнно теперь знаемъ, что *судный списокъ* и *правая грамота* не одно и тоже. Общаго у нихъ то только, что и тотъ и другая суть судебные акты, но акты такіе, которые и составлялись на судѣ не въ одно и тоже время, и заключали въ себѣ не одни и тѣже предметы, и предназначались для различныхъ цѣлей. Судный списокъ всегда составляется до постановленія приговора; а правая грамота пишется всегда уже послѣ состоявшагося окончательнаго рѣшенія дѣла. Судный списокъ всегда содержитъ въ себѣ только имена судей и тяжущихся лицъ, жалобу истца и отвѣтъ отвѣтчика, съ доказательствами на жалобу и на отвѣтъ, а правая грамота заключаетъ въ себѣ не одно только первоначальное судопроизводство съ разборомъ и оцѣнкою

доказательствъ, но всегда еще и приговоръ, часто съ прописаніемъ въ немъ основаній и послѣдствій, а нерѣдко и съ означеніемъ его исполненія. — Цѣль, съ которою составляется судный списокъ, заключается въ томъ, чтобы всѣ относящіяся къ начальному судопроизводству дѣйствія какъ судей, такъ и тяжущихся сторонъ, не пересказывать словесно, а доложить письменно тѣмъ высшимъ судьямъ, отъ усмотрѣнія которыхъ зависитъ какъ поясненіе и дополненіе дѣла надлежащими справками, такъ въ особенности постановленіе окончательнаго приговора. Совсѣмъ другая была цѣль правыхъ грамотъ! Правая грамота и пишется и выдается обыкновенно правой сторонѣ или для того, а) чтобы предупредить между настоящими истцемъ и отвѣтчикомъ всякій, какой могъ бы въ будущемъ времени возникнуть, споръ о рѣшенномъ теперь предметѣ: (*потомъ тяжи не быти, на него* (т. е. обневиненнаго истца или отвѣтчика, судья) *сю правую грамоту далъ*); или для того, б) чтобы доставить въ руки правой сторонѣ актъ укрѣпленія его права на бывшее доселѣ спорнымъ, а теперь, по приговору, сдѣлавшееся безспорнымъ имущество: (*на ту землю, на тое деревню, на тое вотчину, на тое мыто правая грамота дана,*) чтобы было, то есть, по чему оправданной сторонѣ и владѣть спорнымъ имуществомъ: (*да и по сей правой грамотѣ владѣть по прежнему*) и защищать это имущество на

судѣ на случай какого бы то ни было иска со стороны всякаго третьяго лица (*). Послѣ сего совершенно понятно, почему ни истецъ, ни отвѣтчикъ, никогда не просятъ судей о выдачѣ имъ суднаго списка, а нерѣдко, и обыкновенно оправданная сторона, обращается то съ устною, то съ письменною къ судьямъ челобитною о выдачѣ ей правой грамоты? Судный списокъ составлялся и былъ нуженъ только для однихъ судей, постановлявшихъ приговоръ, и вовсе безполезенъ для обоихъ истцевъ, прибѣгшихъ къ суду за приговоромъ; а правая грамота содержала въ себѣ приговоръ, всегда укрѣпляла какое-нибудь право за правымъ истцемъ или отвѣтчикомъ и служила ему охраннымъ отъ будущихъ притязаній актомъ. По формѣ, судный списокъ соотвѣтствуетъ нынѣшней докладной запискѣ; а правая грамота—копіи съ судебнаго рѣшенія. Первый есть чисто судебный, для одного суда пригодный актъ; вторая—съ значеніемъ судебнаго соединяетъ еще и значеніе нынѣшняго крѣпостнаго акта. Оттого у суднаго списка печать одна, обыкновенно лица, докладывавшаго для постановленія приговора дѣло; а у правой грамоты другая—обыкновенно судьи, разби-

---

(*) Всѣ наши вставныя правыя грамоты потому и вписаны въ главныя, что онѣ представлены были тяжущимися въ доказательство ихъ права.

равшаго дѣло и исполнявшаго приговоръ по дѣлу. Оттого же судные списки составлялись, конечно, со словъ судей и истцевъ, а правыя грамоты уже съ судныхъ списковъ. Изъ всего этого видно, что судные списки состоятъ въ такомъ же точно отношеніи къ правымъ грамотамъ, въ какомъ отношеніи состоятъ межевые журналы къ межевымъ планамъ и книгамъ. Какъ межевые журналы содержатъ въ себѣ матеріалы, потребные для сочиненія межевыхъ книгъ и плановъ и никогда не выдаюся на руки поземельнымъ владѣльцамъ, а остаются, пока нужно, на рукахъ производившихъ межеваніе землемѣровъ и потомъ уже поступаютъ для храненія въ архивъ Межевой Канцеляріи; такъ же точно и судные списки XVI вѣка заключаютъ въ себѣ одни матеріалы, необходимые для составленія правыхъ грамотъ, никогда не выдаются на руки сторонѣ оправданной, а остаются сперва у судей и докладчиковъ спорнаго дѣла, и уже по минованіи въ нихъ надобности, послѣ выдачи, то есть правой грамоты, передаются ими въ то особенное хранилище судебныхъ актовъ, которое не разъ встрѣчается въ правыхъ грамотахъ подъ общимъ именемъ: *казны*. Кто такъ понимаетъ прямую цѣль правой грамоты и прямое ея отношеніе къ судному списку,—тотъ легко пойметъ, почему одна правая грамота назвала себя *розъѣзджею*, а другія двѣ назвали себя *бѣглыми? Розъѣзджею* потому, что разъ-

ѣздомъ или, какъ мы теперь выражаемся, разводомъ, который надлежало сдѣлать по приговору судьи, она опредѣляла бывшія доселѣ спорными границы поземельнаго владѣнія, точно такъ же, какъ и въ настоящее время эти же самыя границы означаются въ нашихъ межевыхъ книгахъ. Въ рукахъ правой стороны она должна была имѣть и имѣла значеніе формальной писцевой или межевой книги. *Бѣглыми* двѣ правыя грамоты называютъ себя потому, что онѣ уполномочиваютъ праваго своего владѣльца вездѣ отыскивать и схватывать бѣглаго кабальнаго холопа безъ пристава, и ставить его предъ Царемъ и Великимъ Княземъ, конечно съ цѣлію, чтобы Великій Князь присудилъ пойманнаго бѣглеца владѣльцу бѣглой грамоты, ежели не въ вѣчные, то во временные или кабальные холопы, т. е., чтобы Великій Князь выдалъ ему бѣглеца головою до искупа.—Кто знаетъ и время составленія и полное содержаніе какъ суднаго списка, такъ и правой грамоты, тотъ никогда не затруднится и не сдѣлаетъ ошибки въ выборѣ приличнаго и вѣрнаго имени для безъименнаго древняго судебнаго акта. Всѣ пять безъименныхъ номеровъ правыхъ грамотъ заключаютъ въ себѣ приговоры,—слѣдовательно, составлены уже по окончаніи суда и не для суда, а для оправданныхъ на судѣ тяжущихся сторонъ; посему, тотъ добрый пастырь гражданской расправы, который умѣетъ *глашать овецъ своихъ по*

именамъ ихъ, никогда не назоветъ этихъ грамотъ *судными списками*, а непремѣнно наименуетъ ихъ *правыми грамотами*.—Псковитяне 1467 г. называли свои правыя грамоты *судницами*, а Новгородцы 1471-го года—*судными грамотами* (*). То достойно замѣчанія, что ни одна правая грамота не называетъ себя ни *судною грамотою*, ни *судницею*. Это заставляетъ насъ думать, что во всѣхъ прочихъ русскихъ городахъ XVI вѣка эти мѣстныя имена правыхъ грамотъ или мало были извѣстны, или мало употребительны. Притомъ, быть можетъ, что и судьи и обыватели этихъ городовъ подъ *судными грамотами* разумѣли то же самое, что и современники наши разумѣютъ подъ этимъ именемъ. Судными грамотами называютъ у насъ теперь Новгородскую и Псковскую грамоты XVI вѣка, т. е., уставы или законы гражданской расправы, дѣйствовавшіе въ это время на судахъ Новгородскомъ и Псковскомъ. Правда во всѣхъ областяхъ Московскаго Великаго Княжества и во всѣхъ удѣльныхъ, къ Московскому въ это время присоединенныхъ, Княжествахъ такіе уставы носили оффиціальное имя *Судебниковъ;* но народъ могъ употреблять для нихъ и свое имя, могъ называть ихъ и судными грамотами. Какъ бы то

(*) См. Судную Псковскую Грамоту Мурзакевича и Судную Новгородскую Грамоту у Куницына.

ни было, но Новгородцы сами не называли своего Судебника судною грамотою; названіе судной они сами въ своемъ судебникѣ усвояютъ правой грамотѣ. Изъ того ясно видно, что въ какомъ отношеніи *правая грамота* состояла въ Москвѣ къ Судебнику, въ такомъ же отношеніи *судная грамота* Новгородцевъ и *судница* Псковитянъ состояли къ тѣмъ судебнымъ уставамъ, которые дѣйствовали въ Новѣгородѣ и Псковѣ въ XVI вѣкѣ, и которые мы неправильно теперь именуемъ *судными* грамотами.—Что касается имени *суднаго списка*, то его не должно смѣшивать съ встрѣчающимся также въ правыхъ нашихъ грамотахъ названіемъ *списка судебнаго*. Подъ послѣднимъ названіемъ, гдѣ оно встрѣчается, (*) надлежитъ разумѣть въ правыхъ грамотахъ списокъ одного изъ двухъ Судебниковъ, или снятую съ оригинальнаго экземпляра и оффиціально доставленную въ тотъ или другой, областной или мѣстный судъ копію или съ перваго или со втораго Судебника. Изъ такого значенія *судебнаго списка* въ правыхъ грамотахъ заключать можно, что наши предки и Новгородскую и Псковскую грамоты XVI вѣка скорѣе и правильнѣе назвали бы по своему *судебными*, а не *судными*, какъ мы обыкновенно ихъ называемъ, грамотами. Этого словоупотребленія и надлежало бы, по нашему мнѣнію, строго держаться всѣмъ

(*) Сличи № 14 съ № 11 и 16.

современнымъ нашимъ законовѣдцамъ; ибо ясно, что на языкѣ Новгородскаго вѣча *судная грамота*, означала *правую*, а не *судебную* грамоту—(судебникъ). Незабвенный наставникъ мой, покойный А. П. Куницынъ, ясно понималъ это значеніе и отношеніе словъ: *судный и судебный*. Въ посмертномъ своемъ Историческомъ Изображеніи древняго судопроизводства въ Россіи, именно во всѣхъ своихъ ссылкахъ на Псковскую и Новгородскую грамоту, онъ постоянно и первый, сколько мнѣ извѣстно, называлъ ихъ не судными, а *судебными* грамотами.

X. Цѣлость и поврежденность правыхъ грамотъ.

Бóльшая часть правыхъ грамотъ дошла до насъ въ цѣломъ и сохранномъ видѣ и безъ всякихъ замѣтныхъ погрѣшностей. *Ветхими* редакторы назвали только двѣ грамоты: №№ 7 и 24; но пробѣлы въ нихъ незначительны: въ первой утратилось только имя и фамилія тіуна, разбиравшаго дѣло; а во второй недостаетъ заголовки, въ которой то же, надобно полагать, были означены только имена Боярина и Окольничаго, судившихъ дѣло; да еще нѣсколькихъ строкъ въ срединѣ, гдѣ, очевидно, былъ записанъ тотъ отвѣтъ отвѣтчика, содержаніе котораго передано намъ уже въ приговорѣ той же самой правой грамоты. Гораздо

значительнѣе слѣды разрушенія послѣдней и, по времени, къ намъ ближайшей правой грамоты; это той, которая относится уже къ царствованію Михаила Ѳеодоровича, или къ первой половинѣ XVII вѣка. Объ ней издатели замѣтили только то, что въ ней недостаетъ начала; но любопытно знать: чего же именно недостаетъ въ этомъ началѣ? Начинается она въ печати отрывкомъ раздѣльной грамоты, то есть, небольшимъ концемъ одного изъ письменныхъ доказательствъ. Посему надобно предполагать, что въ ней недостаетъ очень многаго, именно же: именъ судей и тяжущихся; жалобы истца; оправданія отвѣтчика; приступа къ судопроизводству по доказательствамъ; бóльшей половины раздѣльной грамоты, представленной въ доказательство, а можетъ быть и другихъ, поданныхъ судьямъ тяжущимися актовъ, на которые они потóмъ ссылаются, и именно: жалованной тарханной грамоты, дозорщиковой записи и правой грамоты. Кромѣ того, изъ содержанія этой грамоты видно, что у тяжущихся шелъ споръ не объ одной пустоши Подбродничи, а еще и о пустоши Микулинской, отъ которой истецъ добровольно отказался *(въ томъ милости не просилъ)*, и которая была утверждена за отвѣтчикомъ, полагаю, тою самою правою грамотою, которую судья — Святѣйшій Патріархъ запрещаетъ въ своемъ приговорѣ *рудити* (нарушать). — Описокъ въ печатныхъ

правыхъ грамотахъ и искать нельзя; незначительныя и явныя въ подлинникахъ или копіяхъ правыхъ грамотъ описки и ошибки несомнѣнно замѣчены и исправлены издателями. (*) Только въ одной правой грамотѣ (№ 21, стран. 47, столб. 2) издатели удержали въ печати описку въ словѣ: *выдми* и пояснили ее въ выноскѣ такъ: «*можетъ быть: выняли.*» Мы почитаемъ это объясненіе ошибочнымъ; по нашему мнѣнію, слово *выдми* слѣдуетъ прочитать: *выдали,* а не *выняли.* Мы можемъ представить на то два доказательства: одно этимологическое, а другое юридическое. *Этимологическое:* изъ непонятныхъ буквъ *выдми* легче образовать понятный глаголъ *выдали,* нежели *выняли;* по тому что въ нашемъ чтеніи удерживается явственная въ самомъ оригиналѣ буква *д,* которая теряется въ глаголѣ г-дъ редакторовъ: *выняли.* *Юридическое:* въ правой грамотѣ истецъ разсказываетъ въ своей жалобѣ тіуну, что опи, взявъ доводчика съ понятыми, *наѣхали* двухъ бѣглыхъ дѣвокъ на Углечѣ, въ дворѣ господина отвѣтчиковъ, и потомъ продолжаетъ: *и выдми есмя... за доводчика передъ его понятыми.* Что будетъ значить: *вынять бѣглыхъ за доводчика?* Конечно взять ихъ вмѣсто доводчика; но поимка бѣглыхъ уже выражена глаголомъ *наѣхали* и произведена очевидно въ чужомъ дворѣ не одними истцами, а

(*) См. Предисловіе къ Актамъ Юридическимъ стр. IV.

доводчикомъ, истцами и понятыми вмѣстѣ. Что значитъ: *выдать за доводчика?* Отдать пойманнаго бѣглеца подъ стражу полицейскаго чиновника; ибо въ той же самой грамотѣ и одинъ изъ тѣхъ же самыхъ истцевъ, только уже въ Москвѣ, а не на Углечѣ, *изошелъ* мужа одной изъ бѣглыхъ дѣвокъ и *выдалъ его за недѣльщика.* Ясно, послѣ сего, что глаголомъ *вынять* можно замѣнять старинные глаголы: *изойти,* или *наѣхать,* но отнюдь не *выдать.* Первый глаголъ относится только къ предшествующей *поимкѣ* бѣглаго, а второй къ послѣдующему за поимкою дѣйствію, именно: къ *выдачѣ* бѣглаго подъ стражу доводчика или недѣльщика.

Въ двухъ грамотахъ (№№ 12 и 18), не представлявшихъ г-дамъ редакторамъ никакихъ слѣдовъ внутренней порчи, мы замѣчаемъ очевидные слѣды поврежденія въ самомъ ихъ содержаніи. Правая грамота подъ № 12 начинается словами: „*Сей судъ судилъ Князь Василій Ивановичъ*" и потомъ постоянно именуетъ этого судью *Княземъ.* Именъ простыхъ, часто не извѣстныхъ намъ, Князей, то разбирающихъ, то докладывающихъ спорныя дѣла, въ правыхъ грамотахъ можно насчитывать цѣлые десятки; именъ же владѣтельныхъ, какъ Великихъ, такъ и Удѣльныхъ, Князей встрѣчается въ нихъ сравнительно мало. Кто же такой былъ Князь Василій Ивановичъ? По нашему убѣжденію, не простой и малый, а вла-

дѣтельный, и именно Великій Князь, какой и во всѣхъ другихъ правыхъ грамотахъ постоянно удерживаетъ за собою титулъ Великаго Князя. Это мнѣніе наше мы можемъ подкрѣпить и многими и убѣдительными доводами. 1) Опредѣленнаго года этой правой грамоты, правда, мы не знаемъ; но то несомнѣнно, что она могла быть писана не раньше 1505 и не позже 1511 года, то есть, въ такое время, когда на Великокняжескомъ Московскомъ престолѣ возсѣдалъ уже Василій Іоанновичъ III. (*) 2) Всѣ простые князья во всѣхъ правыхъ грамотахъ и судъ судятъ и приговоры произносятъ не иначе, какъ или *по грамотѣ*, или *по слову Великаго Князя;* а нашъ князь Василій Ивановичъ и въ судѣ и въ приговорѣ является полнымъ и самостоятельнымъ владыкою. 3) Всѣ простые князья, разсматривавшіе тяжбы, именуются въ правыхъ грамотахъ обыкновенно *судьями;* нашъ Василій Ивановичъ не названъ ни разу судьею, а десять разъ *Княземъ.* 4) У простыхъ князей никогда въ правыхъ грамотахъ не сидятъ на судѣ бояре; у нашего Василія Ивановича были на судѣ два боярина. 5) У простыхъ Князей, судившихъ и рѣшавшихъ дѣла окончательно, правыя грамоты подписываютъ обыкновенно и простые дьяки; нашъ Князь то же и самъ разбираетъ дѣло и самъ постановляетъ приговоръ, а его правую грамоту под-

(*) См. Исторію Карамзина и Устрелова подъ этими годами.

писываетъ дьякъ Великаго Князя. 6) Въ правой грамотѣ 1498—1505 года (№ 8), гдѣ судья Великаго Князя Ивана Васильевича разбираетъ тяжбу крестьянъ Ликуржской волости съ Митрополичьими дѣтьми боярскими о 16 деревняхъ и 4 починкахъ, отвѣтчики говорятъ судьѣ: «*крѣпости на тѣ* (спорныя) *деревни и починки у государя нашего у Симона Митрополита въ казнѣ, а положитъ ихъ передъ Великимъ Княземъ.*» Изъ этихъ словъ отвѣтчиковъ заключать слѣдуетъ, что споры о земляхъ и владѣніяхъ ежели не всѣхъ митрополитовъ, то, по крайней мѣрѣ, митрополита Симона, подлежали суду Великаго Князя и рѣшаемы были въ Москвѣ. Нашею правою грамотою дѣйствительно и подтверждается это заключеніе. Здѣсь споръ идетъ у частнаго лица съ крестьянами того же митрополита Симона о Галямовской деревнѣ. Крестьяне эти говорятъ нашему Князю: «*вѣдаетъ святый митрополитъ Симонъ, почему та* (спорная) *деревня его; онъ прислалъ къ тебѣ, Государю, дьяка своего.*» Наконецъ 7) истцы и отвѣтчики никогда въ правыхъ грамотахъ не называютъ простаго князя—судью *Государемъ*, а постоянно *Господиномъ*; здѣсь же они прямо называютъ его Государемъ, именемъ, которое и теперь, преимущественно на языкѣ разговорномъ и простымъ народомъ, усвояется Царю Россіи. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы несомнѣваемся утверждать, что князь нашъ былъ

Великій Московскій Князь, Василій III, сынъ и преемникъ Іоанна III.

Чтобы рѣшить, кто виновникъ этой очевидной погрѣшности въ титулѣ Князя, надобно знать, что судный списокъ № 12 отпечатанъ въ Юридическихъ Актахъ не съ подлинника, а уже изъ сборника грамотъ и другихъ актовъ Московской митрополіи, хранящихся въ Синодальной Библіотекѣ. Посему въ недопискѣ можно винить или первоначальнаго неопытнаго составителя правой грамоты, или невѣжественнаго переписчика. Предполагать же, чтобы виною этой явной ошибки были издатели правыхъ грамотъ, мы никакъ не смѣемъ; ибо, мы сказали уже, что слово: *князь* повторяется въ печатной грамотѣ десять разъ.—Легче опредѣлить: кто былъ виною искаженія правой грамоты подъ № 28? Эта грамота отпечатана редакторами съ подлинника, писаннаго на большомъ бумажномъ листѣ и дошедшаго въ цѣломъ и сохранномъ видѣ. Стало, вся вина искаженія должна здѣсь неминуемо упадать на первоначальнаго составителя правой грамоты. Вина эта состоитъ здѣсь уже не въ опущеніи одного только слова, титула князя, а въ порчѣ цѣлаго существа спорнаго дѣла, или суднаго списка, изъ котораго заимствованъ матеріалъ для правой грамоты. Крайняя небрежность въ составленіи этой правой грамоты усматривается

здѣсь по порядку въ слѣдующихъ очевидныхъ промахахъ: 1) Въ началѣ правой грамоты сказано, что судъ судилъ одинъ тіунъ Двинскаго Намѣстника; а потóмъ черезъ всю грамоту отъ начала до приговора являются распорядителями всѣхъ судебныхъ дѣйствій не одинъ тіунъ, а многія лица, которыя именуются *семь разъ* судьями. Если бы составитель правой грамоты прибавилъ къ заголовкѣ: «сей судъ тіунъ Двинскаго намѣстника» слова: *съ товарищи,* или *съ цѣловальники,* тогда эта ошибка не бросалась бы прямо въ глаза читателя. 2) Въ уста ищеи, игумена Никольскаго монастыря, влагаются слова такія, которыя и не имѣютъ никакой прямой связи съ предъидущею его рѣчью, и прямо изобличаютъ составителя правой грамоты въ недомолвкѣ: *да и въ судномъ спискѣ подписали.* Кто же подписалъ? Подлежащаго ни здѣсь, на мѣстѣ, ни въ цѣлой грамотѣ читатель не доискивается. 3) Составитель внесъ въ правую грамоту выпись изъ суднаго списка, которую представилъ истецъ. Но выпись эта есть ничто иное, какъ одна часть правой грамоты, именно та, которая заключаетъ въ себѣ одинъ судебный приговоръ. Судные списки тѣмъ и отличаются, какъ выше нами показано, отъ правыхъ грамотъ, что приговоровъ они обыкновенно въ себѣ не заключаютъ. Невѣроятно предполагать, чтобы истецъ, игуменъ монастыря, не имѣлъ въ рукахъ своихъ на судѣ цѣлой правой

грамоты, на которой онъ хотѣлъ основать и на основаніи которой онъ дѣйствительно выигралъ процессъ монастыря; ибо заступники монастырей всегда въ правыхъ грамотахъ являются на судъ обыкновенно съ большимъ запасомъ документовъ. 4) Отвѣтчики въ нашей правой грамотѣ предлагаютъ истцу игумену, а истецъ соглашается на предложеніе ихъ, доказывать справедливость спора и крестомъ, и полемъ, и иконою вмѣстѣ *(крестъ цѣлуемъ, и на поле битися леземъ, и съ иконою идемъ)*. Это неслыханное и нашимъ предкамъ удѣльнаго періода невѣдомое сочетаніе чрезвычайныхъ судебныхъ доказательствъ! Тяжущіеся этого времени могли избирать въ доказательство только одно поле съ крестомъ, но никогда недоказывали своихъ исковъ ни крестомъ съ иконою, ни иконою съ полемъ. Подаримъ 5) составителю нашей правой грамоты ту ошибку, что у него судьи и *воззрѣваютъ* въ выпись изъ списка и *выслушиваютъ* эту выпись въ одно и то же время; потому что та же неточность въ выраженіяхъ, т. е., будто одинъ и тотъ же судья и читалъ самъ и слушалъ самъ документы тяжущихся, встрѣчается и въ другихъ правыхъ грамотахъ. Но какъ ему простить 6) ту грубую продѣлку, что въ жалобѣ истецъ предъявляетъ только свое право на тоню и на отнятые у него два невода, да двѣ лодки цѣною въ полтора рубля; а въ приговорѣ тіунъ разрѣшаетъ пра-

вому истцу на тоняхъ и *рыбу ловить*, и *роспашь пахать*, и *лѣсъ сѣчи?* Здѣсь юристъ читатель не можетъ не замѣтить нарушенія кореннаго правила всякаго гражданскаго судопроизводства: *quod non est in actis, non est in mundo*. Никакой гражданскій судья не воленъ присуждать истцу или отвѣтчику права на предметы, о которыхъ послѣдніе не искали суда и расправы у перваго. Судъ только разрѣшаетъ спорныя правоотношенія тяжущихся; онъ только изрекаетъ: кто изъ двухъ притязателей на одинъ и тотъ же спорный предметъ имѣетъ преимущественно право; но никогда не даетъ правому истцу или отвѣтчику права на новый или не бывшій спорнымъ предметъ. Чтобы объяснить это очевидное противорѣчіе приговора съ жалобою оправданнаго истца, мы необходимо должны предположить, что истецъ жаловался тіуну не только на то, что отвѣтчики сбили его съ тони и отняли у него два невода и двѣ лодки, но еще и на то, что они и пахали роспаши и рубили лѣса монастырскіе. Только этимъ предположеніемъ можно объяснить себѣ и непонятное стеченіе чрезвычайныхъ судебныхъ доказательствъ въ нашей правой грамотѣ. Именно крестъ съ полемъ могъ относиться, по нашему мнѣнію, къ грабежу и насилію, а икона или обходъ межи съ образомъ—къ пашнѣ и лѣсу.—Наконецъ и то обстоятельство, въ 7-хъ, есть, по нашему мнѣнію, погрѣшность составителя и противъ

формы правой грамоты и противъ началъ древняго судопроизводства въ Двинской области, что лица, бывшія на судѣ тіуна, помѣчаетъ онъ не на лицевой сторонѣ правой грамоты и не въ слѣдъ за приговоромъ тіуна, а на оборотѣ и притомъ внизу ея; что онъ даетъ имъ значеніе только судныхъ мужей или свидѣтелей судебныхъ дѣйствій тіуна, а они, очевидно, принимали дѣятельное участіе въ самомъ разбирательствѣ спорнаго дѣла. Почему? Во первыхъ потому, что никакимъ другимъ предположеніемъ нельзя объяснить, отъ чего судъ судилъ тіунъ, какъ сказано въ заголовкѣ, а потомъ съ тіуномъ участвуютъ во всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ судьи; а во вторыхъ и потому, что въ позднѣйшихъ правыхъ грамотахъ цѣловальники даже самостоятельно, одни, безъ тіуновъ, и разбираютъ и рѣшаютъ тяжбы.

XI. Подлинность правыхъ грамотъ.

Въ томъ не можетъ никто сомнѣваться, что всѣ наши правыя грамоты подлинны. Это неоспоримо доказывается тѣмъ, во первыхъ, что почти всѣ онѣ облечены въ однѣ и тѣ же формальныя принадлежности: у всѣхъ почти есть печати судей, подписи дьяковъ; и тѣмъ, во вторыхъ, что всѣ онѣ имѣютъ одно и тоже содержаніе, изложенное по одному и тому же порядку: вездѣ въ нихъ, за именами судей, истца и отвѣтчиковъ, слѣдуютъ

жалоба и отвѣтъ, за установкою фактическихъ сторонъ тяжбы или иска установленіе иска юридическое или построеніе иска на юридическихъ основаніяхъ, за доказательствами приговоръ съ помѣткою о судныхъ мужахъ и замѣчаніями, относящимися къ формѣ правой грамоты. Наконецъ, въ доказательство ихъ подлинности, мы можемъ послаться и на свидѣтельства лицъ, участвовавшихъ въ рѣшеніи процессовъ, пересказанныхъ намъ нашими правыми грамотами. Не только простые судьи не опорочиваютъ тѣхъ правыхъ, которыя тяжущіеся представляютъ на суды ихъ въ доказательство жалобы или отвѣта; но и святѣйшіе Патріархи запрещаютъ тяжущимся *рудити* правыя грамоты прошлыхъ лѣтъ (*) и сами Великіе Князья ставятъ правыя грамоты выше всѣхъ прочихъ письменныхъ документовъ. (**) Надобно знать при этомъ, что всѣ вставныя правыя грамоты, къ которымъ относятся наши свидѣтельства, записаны отъ слова до слова въ главныя, или перенумерованныя членами Археографической Коммиссіи, грамоты, и что первыя совмѣщаютъ въ себѣ всѣ какъ внѣшнія, такъ и внутреннія принадлежности послѣднихъ. Другими словами: вставныя грамоты ничѣмъ не различаются отъ нашихъ главныхъ грамотъ ни по формѣ, ни по содержанію. Ежели такимъ образомъ

(*) № 29 стран. 76 стопь. 2.

(**) № 17 стран. 36 стопь. 1.

и судьи, и святѣйшіе Патріархи, и Великіе Князья признавали вставныя правыя грамоты подлинными; то намъ нѣтъ никакой причины и главныя наши правыя грамоты почитать въ какомъ-либо отношеніи не только подложными, даже сколько-нибудь подозрительными.

XII. Языкъ правыхъ грамотъ.

Что сказать Вамъ, Мм. Гг., о языкѣ правыхъ грамотъ? Не филологъ по призванію, я, разумѣется, не могъ сдѣлать никакихъ основательныхъ и подробныхъ надъ нимъ наблюденій. Но и не филологъ, читатель правыхъ грамотъ легко можетъ замѣтить, что языкъ ихъ носитъ въ себѣ очевидные слѣды, осязательные отпечатки и времени и мѣста, къ которому принадлежитъ каждая изъ нихъ. Это и натурально! Тяжбы и иски, которые описываются въ правыхъ грамотахъ, возникали между такими лицами, которыя не были современны одно другому, жили одинъ въ одномъ, другой въ другомъ краѣ общаго отечества, принадлежали одинъ къ тому, другой къ другому слою гражданскаго общества. Судьи, которые разбирали, дьяки, которые записывали тяжбы и иски, были тоже уроженцы и жильцы разныхъ областей, не сверстники одни другимъ ни по возрасту, ни по вѣку, не товарищи другъ другу ни по образованію, ни по состоянію или званію, ни по роду и степени службы. Далѣе, во всѣхъ правыхъ гра-

мотахъ истецъ объясняетъ и доказываетъ свою жалобу, отвѣтчикъ приноситъ свои оправданія на жалобу, судьи требуютъ отъ обоихъ истцовъ необходимыхъ для приговора объясненій, не искуственнымъ и письменнымъ, а естественнымъ устнымъ словомъ. Посему необходимо предполагать, что судные списки составлялись дьяками со словъ тяжущихся и распросовъ, которые дѣлали тяжущимся судьи. Потóмъ тяжущіеся всегда на докладахъ допрашиваются: *былъ ли имъ таковъ судъ, какъ, въ судномъ спискѣ писано?* Это показываетъ съ одной стороны то, что оба истца имѣли право повѣрять на докладахъ не одно содержаніе, но и самое изложеніе докладной записки; а съ другой и то, что дьяки старались, сколько могли, придерживаться въ судныхъ своихъ спискахъ тѣхъ словъ и выраженій, которыя употребляли въ своихъ взаимныхъ объясненіяхъ, возраженіяхъ и оправданіяхъ сами тяжущіеся. Читайте любую Вамъ правую грамоту; вездѣ лице составителя или писца правой грамоты предъ Вами сокрыто; вездѣ передъ Вами одни судебные соперники, которые живою, свободно льющеюся изъ устъ ихъ рѣчью усиливаются уличить и довести, опровергнуть и побороть одинъ другаго. Ежели въ это словесное состязаніе истцовъ вмѣшивается судья, то всегда только съ цѣлію или вызвать спорщиковъ на дальнѣйшее словопрѣніе, или только

намекнуть: какою уликою или какимъ доводомъ одинъ можетъ поразить или отразить другаго состязателя. Вотъ отъ чего во всѣхъ правыхъ грамотахъ языкъ приближается болѣе къ разговорному, чѣмъ къ письменному, болѣе къ народному, чѣмъ къ ученому. Ежели посему во всѣхъ правыхъ грамотахъ мы усматриваемъ очевидное единство плана, одинъ господствующій порядокъ изложенія, то только этотъ планъ и порядокъ мы и должны приписывать частію мастерскому искусству судей—переводить спорщиковъ отъ одного къ другому объясненію, изъ одной въ другую стадію своей расправы, а частію большому навыку дьяковъ-излагать судныя рѣчи тяжущихся въ послѣдовательномъ логическомъ порядкѣ. Весь, напротивъ, запасъ тѣхъ матеріаловъ, которые вставляютъ дьяки въ установленныя обычаемъ рамки правой грамоты, а равно и бо́льшая часть той пестрой одежды, въ которую облекаютъ они эти матеріалы, принадлежалъ, безъ сомнѣнія, самимъ тяжущимся. Вотъ почему мы должны смотрѣть на правыя грамоты, какъ на богатѣйшія сокровищницы не одного ученаго, но общенароднаго юридическаго языка, которымъ говорили и писали наши предки, разсѣянные по всему пространству Россіи, съ послѣдней половины XV (1479) по первую четверть XVII вѣка (1612). Оттого-то онъ такъ и разнообразенъ; оттого-то онъ и не ясенъ намъ,

пока мы не изучимъ его. Главное отличительное свойство языка правыхъ грамотъ есть безъ сомнѣнія то, что онъ является въ нихъ языкомъ самороднымъ, чистымъ, безъ всякой сторонней примѣси. Нашу коллегію предки наши называютъ въ нихъ осподою; наши судебные журналы и протоколы—списками или судебными списками; нашихъ генераловъ и фельдмаршаловъ—Воеводами; нашихъ флигельадъютантовъ—окольничими; нашихъ секретарей и канцеляристовъ—дьяками и подьячими; нашихъ директоровъ межеваго корпуса и геодезистовъ—писцами и межниками; нашихъ чиновниковъ исполнительной полиціи—доводчиками, недѣльщиками и праветчиками, и т. д. Въ тоже время языкъ правыхъ грамотъ отличается простотою и безъискусственностію, краткостію и ясностію, точностію и силою, все-качества, коихъ ищешъ, но рѣдко находишъ и въ нынѣшнихъ по суднымъ дѣламъ запискахъ.

XIII. Содержаніе и планъ правыхъ грамотъ.

Что же изложено языкомъ такихъ высокихъ качествъ въ правыхъ грамотахъ? И по какому плану изложено все ихъ содержаніе? Судя по тому, что тяжбы и иски, описанные въ правыхъ грамотахъ, были разобраны и рѣшены судьями разныхъ видовъ, именъ и степеней, на разныхъ, одно отъ другаго отдаленныхъ, мѣстахъ государства, во вре-

мена не близкія одно другому, а растянутыя на протяженіе одного съ половиною столѣтія; судя далѣе по тому, что лица, писавшія правыя грамоты, не сверстники и не ровни одно другому, поселенцы не одной, а многихъ областей царства, и списатели судовъ, пересказанныхъ разными ладами и складами русскаго слова;—судя по всему этому, надлежало бы ожидать, что каждая правая грамота, отличаясь отъ другой содержаніемъ, отличается въ то же время и порядкомъ его изложенія. Но потрудитесь сличить планъ одной съ планомъ всѣхъ прочихъ грамотъ; вы очень легко убѣдитесь въ противномъ. Всѣ правыя грамоты составлены и расположены по одному и тому же, будто однимъ ученымъ мужемъ придуманному и начертанному, плану. Откуда же это нежданное и поразительное единство плана? Мы не знаемъ ни одного закона изъ удѣльнаго періода, которымъ бы была опредѣлена и предписана форма правой грамоты. Правда, и въ общихъ Судебникахъ, и въ мѣстныхъ Судебныхъ Грамотахъ удѣльнаго періода упоминается правая грамота, но только какъ актъ, къ суду относящійся, только какъ актъ, оплачиваемый судебною пошлиною, только какъ актъ общеизвѣстный; формы для этого акта никакой въ этихъ Судебныхъ Уставахъ не предписано. Гдѣ же надлежитъ искать источника той и единообразной и повсемѣстной формы правыхъ гра-

мотъ, въ какой всѣ онѣ являются въ актахъ юридическихъ? Нѣтъ сомнѣнія, что обычаемъ судей и дьяковъ была исподоволь установлена, распространена и укоренена въ судебной практикѣ та система, по которой слагались всѣ правыя грамоты. Вотъ тотъ общій и главный порядокъ, въ которомъ обыкновенно слѣдуютъ одни за другими предметы, входящіе въ составъ и составляющіе содержаніе правыхъ грамотъ. I. Во всѣхъ заголовкахъ правыхъ грамотъ означаются и описываются всегда имена судей и тяжущихся сторонъ, почти всегда мѣсто, а иногда и время суда. II. Въ слѣдъ за такою заголовкою во всѣхъ правыхъ грамотахъ излагаются жалоба истца и возраженіе на жалобу — отвѣтчика. III. Если жалоба или не сознается отвѣтчикомъ (только въ двухъ правыхъ грамотахъ отвѣтчики ее сознали), или по допросу, который судья дѣлаетъ истцу, не оказывается искомъ *поклепнымъ*, т. е., ни на чемъ не основанною затѣею и пустою придиркою истца (это встрѣчается въ одной только грамотѣ), — то во всѣхъ правыхъ грамотахъ за отвѣтомъ слѣдуетъ непремѣнно разборъ судебныхъ доказательствъ почти всѣхъ видовъ и наименованій, и притомъ сперва обыкновенно доказательствъ на жалобу, а потомъ доказательствъ на отвѣтъ, другими словами: сперва тѣхъ уликъ и доводовъ, на которые послался истецъ, а потомъ тѣхъ, къ которымъ прибѣгнулъ

отвѣтчикъ VI. Но разборомъ доказательствъ не во всѣхъ правыхъ грамотахъ оканчивается еще первоначальное судопроизводство; въ цѣлой дюжинѣ правыхъ грамотъ (№ № 3, 4, 5, 6, 7, 11, 13, 14, 16 20, 21, 22) за судомъ слѣдуетъ еще *докладъ* спорнаго, суженаго, но недосуженаго дѣла, т. е., первый судья или не имѣетъ самъ власти или не рѣшается поворшить тяжбы или иска, и потому объявляетъ тяжущимся, что онъ списокъ суда своего представитъ на усмотрѣніе человѣка старѣйшаго, *(рекъ ся доложити)*, который, какъ высшій и опытнѣйшій судья, или, не рѣшая, только повѣритъ, пополнитъ и ближе разсмотритъ, или и повѣритъ и рѣшитъ спорное дѣло. V. Когда такимъ образомъ или на одномъ только судѣ, или послѣ суда еще и на докладѣ, спорное дѣло бываетъ окончательно разобрано и уяснено, тогда оно считается уже вполнѣ засуженымъ, или созрѣвшимъ для постановленія приговора, — тогда остается только увѣнчать его послѣднимъ судебнымъ актомъ — рѣшеніемъ. Оттого окончательный приговоръ, съ своими основаніями, послѣдствіями, и исполненіемъ, стоитъ въ тѣхъ правыхъ грамотахъ, которыя описываютъ одинъ судъ, всегда на четвертомъ, а въ тѣхъ, которыя описываютъ и судъ и докладъ спорнаго дѣла, постоянно на пятомъ мѣстѣ. (*)

(*) По различію этаго содержанія первыя грамоты можно и правильно будетъ называть въ частности *судными*, а вторыя, въ противоположность первымъ, *докладными* правыми грамотами.

VI. Помѣтка о бывшихъ илисидѣвшихъ на судѣ и на докладѣ лицахъ и не во всѣхъ правыхъ грамотахъ встрѣчается, и гдѣ она есть въ нихъ, никогда не помѣщается ни въ заголовкѣ, ни въ тѣхъ отдѣлахъ правой грамоты, въ которыхъ излагаются жалоба и отвѣтъ съ доказательствами; она постоянно дѣлается въ одной изъ послѣднихъ уже частей правой грамоты. Такъ, если одни судьи разбираютъ и рѣшаютъ спорныя дѣла, то помѣтка о присутствовавшихъ на ихъ судахъ лицахъ стоитъ въ бо́льшей части грамотъ въ слѣдъ за приговоромъ, и притомъ иногда даже не на лицевой, а на задней сторонѣ подлинной правой грамоты. Если сперва судьи, а пото́мъ докладчики приготовляютъ спорное дѣло для постановленія приговора, то въ однѣхъ правыхъ грамотахъ лица, бывшія на судѣ, отличаются отъ лицъ, присутствовавшихъ на докладѣ, а въ другихъ означаются или одни только *судные*, или одни только *докладные* мужи. Не смотря на то, что судъ во всѣхъ правыхъ грамотахъ постоянно предшествуетъ докладу, не всегда однакожъ судные мужи стоятъ въ правыхъ грамотахъ выше докладныхъ мужей: первые до, а вторые послѣ или доклада или приговора; встрѣчаешся въ нихъ иногда съ докладными мужами въ слѣдъ за докладомъ, а съ судными мужами уже послѣ исполненія приговора. VII. Въ самомъ концѣ правыхъ грамотъ

помѣщаются обыкновенно замѣтки, относящіяся къ ихъ формѣ. Здѣсь Вы начитываете: кто приложилъ печать къ правой грамотѣ; кто подписалъ, или кто справилъ правую грамоту; какого года, мѣсяца и числа правая грамота писана; по чьему повелѣнію, кѣмъ, кому и съ какою цѣлію правая грамота выдана.—Если замѣтки подобнаго рода встрѣчаются иногда и послѣ доклада въ правыхъ грамотахъ, то ихъ всегда надлежитъ, по нашему мнѣнію, относить къ суднымъ спискамъ, а не къ правымъ грамотамъ. (*)

Изложивъ въ этихъ только общихъ чертахъ главное содержаніе и главный планъ правыхъ грамотъ, я ожидаю отъ почтеннѣйшихъ господъ моихъ слушателей того вопроса: правильно ли выразили свой отзывъ о важности правыхъ грамотъ г-да издатели ихъ, когда назвали ихъ только *образцами судебнаго дѣлопроизводства*, относящагося къ періоду удѣловъ; когда дѣлопроизводствомъ сама Императорская Академія Наукъ называетъ одно только разсмотрѣніе и отправленіе дѣлъ въ присутственномъ мѣстѣ? (**) Правда ли, будто правыя грамоты представляютъ намъ образцы одного только порядка производства дѣлъ въ судахъ удѣльнаго

(*) Ср. выше въ ст. XI отношеніе правыхъ грамотъ къ суднымъ спискамъ.

(**) См. въ Словарѣ Церковно-Славенскаго и Русскаго языка 1847-го года слово: *дѣлопроизводство*.

періода, касаются одного только движенія спорныхъ гражданскихъ дѣлъ на этихъ судахъ? Очевидная и большая неправда, Мм. Гг.! Правыя грамоты представляютъ намъ въ живыхъ образцахъ и примѣрахъ цѣлую систему тѣхъ охранительныхъ Гражданскихъ Законовъ и обычаевъ, которые дѣйствовали въ періодѣ удѣловъ. Ибо, изъ какихъ частей слагается цѣлая система этихъ законовъ? Изъ двухъ главныхъ: Судоустройства и Судопроизводства. Въ Судоустройствѣ содержится ученіе о составѣ и пространствѣ дѣйствія, о предметахъ вѣдомства судовъ и образѣ производства дѣлъ на судахъ; а въ Судопроизводствѣ опредѣляются взаимныя отношенія судей и тяжущихся къ гражданскому иску, и постепенный ходъ обращенія гражданскаго спорнаго иска въ безспорный; другими словами: все движеніе спорнаго дѣла на судѣ, начиная съ предъявленія жалобы и оканчивая исполненіемъ приговора. Не угодно ли Вамъ послѣ сего предлагать вмѣстѣ со мною нашимъ правымъ грамотамъ любые, не частные, а одни общіе вопросы изъ всей этой системы охранительныхъ Гражданскихъ Законовъ? Ежели вопросы наши не будутъ прямо противны содержанію и цѣли правыхъ грамотъ, то правыя грамоты непремѣнно дадутъ намъ на всѣ наши вопросы приличные отвѣты, хотя, разумѣется, не всегда прямые и не всегда отчетливые. Начнемъ съ судоустройства. Угодно

ли Вамъ узнать изъ правыхъ грамотъ составъ судовъ удѣльнаго періода? Онѣ Вамъ скажутъ, что на однихъ судахъ соединялось нѣсколько лицъ въ одно общее присутствіе для рѣшенія иска, и составъ ихъ былъ, слѣдовательно, *коллегіальный* (Псковская оспóда); на другихъ вся судебная власть сосредоточивалась въ одномъ только лицѣ и слѣд. составъ ихъ былъ *единоличный* (таковы были суды Великихъ и Удѣльныхъ Князей); на третьихъ судахъ первоначальный разборъ споровъ производился цѣлымъ соборомъ судей подчиненныхъ, а приговоръ постановлялся главнымъ начальникомъ этого собора, и слѣд. составъ такихъ судовъ былъ *смѣшанный* (такими являются всѣ суды съ докладами). Спросите Вы отвѣта на то: какъ раздѣлялись въ періодѣ удѣловъ суды по пространству ихъ дѣйствія? Правыя грамоты отвѣтятъ Вамъ: что одни суды были, въ періодѣ удѣловъ, высшіе или государственные, другіе средніе или областные, третьи низшіе или уѣздные и волостные. Захотите Вы ознакомиться съ предметомъ вѣдомства всѣхъ этихъ судовъ? Правыя грамоты Вамъ скажутъ, что всѣ эти суды были установлены для однихъ гражданскихъ законовъ; оттого во всѣхъ ихъ вѣдаются исключительно одни гражданскіе иски. Вамъ угодно знать: какую форму имѣетъ порядокъ производства дѣлъ гражданскихъ на этихъ судахъ? Правыя грамоты Вамъ скажутъ: на однихъ судахъ

Удѣльнаго періода эта форма была рѣшительная, на другихъ совѣщательная, на третьихъ наконецъ исполнительная. Вотъ мы и изчерпали уже всѣ главные вопросы изъ Судоустройства Гражданскаго! Но не ограничимся одними только этими вопросами, и станемъ еще задавать нашимъ правымъ грамотамъ вопросы изъ Судопроизводства гражданскаго. Спросимъ у нихъ: Что такое искъ и тяжба? Что такое тяжущіеся и ихъ повѣренные? Что такое жалоба и отвѣтъ? Что такое судебные доводы и улики? Сколько было родовъ и видовъ судебныхъ доказательствъ и въ какомъ отношеніи состоялъ одинъ родъ или видъ доказательствъ къ другому роду и виду? Что такое признаніе, письменныя доказательства, послухи и старожильцы, общая правда, крестное цѣлованіе, вѣрообразное хожденіе, досмотръ, поле или судебный поединокъ? Что значитъ доложить судное дѣло, рѣшить судное дѣло, исполнить рѣшеніе по судному дѣлу? Что такое судный списокъ и правая грамота? Какое имѣли значеніе судные сроки? Сколько было видовъ судебныхъ пошлинъ? Въ какомъ отношеніи состояли, въ періодѣ Удѣловъ, общіе процессовые законы къ мѣстнымъ? Было ли въ періодѣ Удѣловъ судопроизводство словесное или письменное, открытое или закрытое, слѣдственное или обвинительное? Отобранные мною у правыхъ грамотъ то прямые и ясные, то косвенные и тем-

ные отвѣты на всѣ эти вопросы изъ судопроизводства требуютъ тщательной повѣрки съ историческими актами періода Удѣловъ, особенно съ Судебными и Уставными Грамотами, и потому не могутъ войти и безъ того въ длинную и для терпѣливаго вниманія господъ моихъ слушателей, конечно, утомительную рѣчь мою.

Поспѣшая окончить мое слово, я осмѣливаюсь просить Васъ, Мм. Гг., выслушать только еще одно краткое замѣчаніе о важности правыхъ грамотъ для науки Гражданскаго права. Доселѣ мы только видѣли: въ какомъ видѣ представляли намъ правыя грамоты гражданскія права нашихъ Удѣльныхъ предковъ въ ихъ нарушенномъ, возмущенномъ и потому спорномъ состояніи,-и это безъ сомнѣнія есть и главная и самая интересная, процессовая сторона ихъ; но правыя грамоты не разъ описываютъ намъ еще эти права нашихъ предковъ въ спокойномъ, невозмущенномъ и безспорномъ ихъ состояніи. Другими словами: онѣ представляютъ намъ богатые матеріалы для обработки не одного русскаго процесса въ періодѣ Удѣловъ; онѣ содержатъ въ себѣ еще множество разнородныхъ свѣдѣній, полезныхъ и необходимыхъ для обработки опредѣлительныхъ гражданскихъ законовъ того же періода, особенно для ученія о разныхъ родахъ и видахъ имуществъ, о способахъ ихъ пріобрѣтенія,

укрѣпленія и отчужденія, о способахъ заключенія, составленія, совершенія и исполненія разныхъ договоровъ по имуществу. Свѣдѣнія такія сохранились въ нихъ отчасти во взаимныхъ объясненіяхъ тяжущихся сторонъ, но главнымъ образомъ въ тѣхъ письменныхъ судебныхъ доказательствахъ, которыя тяжущіеся представляли судьямъ, а дѣлопроизводители тщательно вписывали въ правыя грамоты. Всего только шесть правыхъ грамотъ (№ № 7, 10, 16, 17 (вставная), 21 (то же вставная) и 22) не содержатъ въ себѣ никакихъ вписанныхъ актовъ; всего только въ десяти правыхъ грамотахъ упомянуты, но не вписаны: купчая (№ 5), городная сотница, ободная грамота (№ 5), льготная грамота (№ 6), празговая запись (№ № 11 и 25), закладная (№ 19) и оброчная грамоты (№ 25), жалованная тарханная грамота (№ 29), дозорщикова память (№ 29) и писцовыя книги (№ 14, 15, 20, 25). Но число всѣхъ, внесенныхъ въ правыя грамоты, актовъ гражданскихъ превышаетъ самое число правыхъ грамотъ; именно же частію подлинниками и слово въ слово, частію въ извлеченіи и перечнѣ записано въ правыя грамоты, кромѣ четырехъ вставныхъ правыхъ грамотъ, купчихъ и отступныхъ грамотъ 19, жалованныхъ 9, данныхъ 9, дѣловыхъ (раздѣльныхъ), празговыхъ и сотныхъ каждой по 2, боярскихъ судимыхъ, разводныхъ, отдѣльныхъ и празговыхъ, каждой по

одному экземпляру. Легко понять, что цѣлыхъ пять десятковъ гражданскихъ актовъ укрѣпленія правъ на имущества, переданныхъ правыми грамотами, передаютъ намъ и такое же, если не бо́льшее, число правилъ частнаго права; изъ нихъ можно почерпнуть матеріалы для составленія цѣлаго свода законовъ гражданскихъ, по крайней мѣрѣ въ пятьдесятъ, а быть можетъ и въ пять сотъ статей для жившихъ въ періодѣ Удѣловъ нашихъ праотцевъ!

Ординарный Профессоръ Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ, А. Ѳедотовъ-Чеховскій.